

ЖИЗНЬ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА, ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МОСКОВИИ (отрывки)

Знамение Ивана Грозного

... Трое мужчин и столько же женщин отправились в соседний лес, как это в обычае у сих варваров, за дровами. Когда же вечером, в сумерки, они возвращались домой, то услышали голос: бегите, Московиты! Когда же, устрасясь этого, они пустились поспешно бежать, чтобы скорее достичь города, то из воздуха упала на землю, в снег, большая мраморная глыба, подобная тем, которые у немцев и других народов употребляются для надгробных камней, и падение ее сопровождалось ударом молнии, причем глыба ударилась не с большой силой, а легла так, как будто бы нарочно была кем-либо положена. На этой глыбе было начертано неизвестными и неотчетливыми письменами какое-то изречение, или скорее надгробная надпись, которая, без сомнения, означала, что Московское государство обречено погибели. Когда камень низринулся, упали мертвыми и упомянутые трое мужчин. Тела их пролежали на земле несколько дней без всякого смрада и разложения. Даже и женщины, устрасенные столь невиданным событием, пали ниц, но вскоре оправились; когда же они заметили на снегу капли крови, то со страхом поспешили обратно в город и прибыв туда ночью, с громкими воплями возвести о случившемся.

Все поспешили к означенному месту рассмотреть, в чем дело, и нашли распростертые на земле трупы, брызги крови на снегу, а также и надгробный камень; подвигнутые троекратными знаменами и вразумленные точным языком необыкновенных явлений, они в страхе предвидели падение отечества и несчастливый исход собственных дел своих. Сам Иоанн Васильевич, привыкший пренебрегать божественными знаменами и предпочитать свое собственное усмотрение небесному, пришел в волнение, свойственное робкой душе, и счел, что множество чудесных знамений предвещает вместе с тем и множество грядущих бедствий. Только с большим трудом удалось его советникам склонить его, молчаливо и грустно сидящего дома, отправиться на место события, где лежал камень.

Склонясь, наконец, пред настоятельными просьбами своих приближенных, он отправился в сопровождении митрополита и сыновей своих за город, и сам увидел обрызганный кровью снег и камень. Пораженный зрелищем, он тотчас спросил, что означает это дивное явление. Так как все терялись в догадках, то он повелел митрополиту растолковать слившиеся друг с другом и неизвестные письма. Митрополит не без великого страха отвечал, что он этого не знает. Тогда царь приказал на следующий день привести к себе двух военнопленных проповедников из Кокенгузена и Оберпалена, которые прославились своею ученостью даже между варварами, и обещал им свободу и подарки, если они разрешат тайну, написанную на камне. Но так как эти последние также не могли прочесть неизвестные письма и открыть таинственную волю Божию, то надеясь истолкованием наудачу получить себе свободу, обратились к царю со следующими словами: “Ты видишь в этом погибель страны; посему молчи и помышляй об умилоствлении Бога. Эти знаки касаются твоих народов и твоего царства”.

Услышав столь неблагоприятный ответ, царь тотчас же созвал своих телохранителей и повелел им разбить камень в куски; вскоре потом он уехал оттуда, помышляя человеческими мерами воспрепятствовать совершению грозных судеб, предназначенных небесным усмотрением ...

Об Иване Грозном (перевод К.А. Морозовой)

Благородным государям нет ничего приятнее и желаннее, чем видеть своих соотечественников процветающими во всем. Этот же словно был рожден по обычаю диких животных для грабежа и мятежей, настолько страстно он всегда начинал войны, из одной переходил к другой, из самой маленькой делал самую большую, из единой — двойную, из приятной игры — ужасное и кровавое: подвергал свой народ великим опасностям, часто за час одних превращал в сирот, других — во вдов, стариков — обездоленными, а многих — нищими и несчастными...

Побуждаемый выгодным местоположением [Полоцка], величием и богатством княжества он [царь Иван IV]... отправился для захвата

Полоцка и повел в поход... войско почти в 300 тысяч человек. Город был хорошо снабжен метательными орудиями, имел оборонительные укрепления и ... множество солдат. А после того как город был сильно обстрелян врагом, к орудиям встали даже женщины и старики, и горячее сражение продолжалось в течение многих дней... Случилось так, что военные силы полочан, которые сдерживали внезапное и стремительное нападение, к середине боя иссякли... Поэтому Васильевич в один миг овладел Полоцком, а польских солдат, оставив в живых, выгнал за его пределы, литовцев же и руссов, как пленных, послал в Москву, жидов, не желавших принимать христианское крещение в купели, он немедленно утопил в водах Двины. Он чрезвычайно обогатился городской добычей, которая оказалась гораздо богаче, чем он представлял и предполагал по своей жадности...

Доброму правителю следует гораздо больше думать о благе своего народа, чем о гибели врага. Тиран же следовал другому правилу. Когда не имел врага, начинал мучить своих сограждан войной так, будто испытал от них ничем не смываемый позор. Он вообще не мог жить спокойно, если только не лишал жизни и здоровья детей, жен и не грабил всего имущества.

После отъезда царя в Александрову слободу [в 1565 году] и делегации туда бояр, согласившейся «не противиться приказаниям государя... [Иван IV], получив, наконец, право на открытую и очень жестокую тиранию ... предался истязанию своих подданных... [в 1568 году] вызвал к себе в Москву первого наместника Ивана Петровича [Федорова Челяднина], обвиненного по ложным свидетельствам в измене. Как только тот явился, одетый в царскую мантию, ему было приказано взять скипетр и корону, а затем его, трепещущего и дрожащего от страха, посадили на высокий трон. Обратясь к нему, Васильевич говорит: «Здравствуй, непобедимый цезарь руссов, вот я тебя, наконец, вознес на недосыгаемую вершину величественного царского достоинства, которого ты так горячо добивался. Но ты будешь царствовать недолго». И не говоря больше ничего, тотчас же пронзил несчастного старца острым копьём. Затем помощники государя безжалостно изрубили труп убитого. И ничего не осталось в семье и [в доме] этого человека — ни людей, ни животных, что не подверглось бы уничтожению. За деревянной оградой Васильевич запер 300 человек и, заложив пушечный порох, поджег. Покойный

оставил беременную жену и незамужних дочерей, которых помощники государя, прежде обесчестив, растерзали на части.

[1569 год]... отправившись в Новгородскую землю и вероломно напав [на нее], он, прежде чем смог долететь слух до города, взял, применив пушки, несколько крепостей. Отовсюду уводил множество скота и людей. И все эти широко раскинувшиеся земли, известные большим числом деревень и сельских жителей, наполнил ужасом войны...

Тем временем к городу подошло отборное войско палачей. Предводителем его был некий Малюта Скуратов, в руках которого находилась верховная власть над свитой государя. Войско было послано вперед, чтобы помешать всякому бегству горожан, а всех, кто ни попадетсЯ навстречу, убивать, обращать в бегство и грабить...

Как сигнал для совершения убийства был избран момент, когда в церкви народу давали святое причастие (сопровождавшееся колокольным звоном) ... Свита не взирала ни на пол, ни на возраст. Погибали изрубленные на части люди и скот, опозоренные насилием девушки, проколотые копьями дети, рушились подожженные постройки города, объятые пламенем.

700 женщин с несчастными детьми были утоплены в реке Волхове под предлогом того, будто они пренебрегли приказанием и честью государя, намеревались под конец жизни помолиться домашним богам, не спросив на то позволения палачей. Они были подвергнуты недостойным поношениям и тотчас же брошены с детьми в воду.

Знатные горожане, задушенные [ремнями], вывешивались из филенчатых окон. И даже сенаторы [посадники] и их помощники, запертые в здании, где заседали, уничтожались особо усердствовавшими холопами. Ничего ужаснее этого зрелища не было, ибо многочисленных окон здания было недостаточно для казней и, чтобы приготовить место для повешения следующих, ремни с ранее повешенными и умирающими обрезались. Трупы оставались в куче, и разъяренные ликторы растаскивали их крюками и сбрасывали в реку.

Священники искали прибежища у алтарей, но и здесь их постигала одинаковая участь и судьба, ибо жестоких палачей не могли удержать от нечестивого злодеяния никакие молитвы людей, никакая богобоязнь, никакая, наконец, защита святых.... А священника [новгородского владыку], к которому он [царь] пришел, якобы чтобы засвидетельствовать почтение, он тотчас же лишил одежды, денег и всего имущества, а за угощение заплатил ему смертью. Случилось так, что умерла его жена; когда Васильевич узнал об этом, подводя к нему лошадь, говорит: «Ты будешь иметь ее вместо жены, уважаемый епископ, а дары на свадьбу соберут твои коллеги». После того, как он это сказал, разыскал, применив пытки, деньги священников и церквей, а самого наказуемого епископа, посадив постыдным образом на лошадь (задом наперед), приказал провести по городу под клики глашатаю и потом уж удушить.